

ОХОТСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ 1920-х гг.: ПОЗИЦИИ ЯКУТСКОГО РУКОВОДСТВА

С дореволюционных времен Охотское побережье имело огромное значение для Якутии, поскольку через тракты Якутск–Охотск и Якутск–Аян в регион завозили промышленные и продовольственные товары из Владивостока, Японии и Америки. Вот почему судьба Охотского побережья была предметом особого интереса среди якутской элиты, добивавшейся выхода на внешние рынки. В XVII – начале XVIII в. Охотско-Камчатский край входил в состав Якутского уезда, в 1731 г. был выведен из его состава и преобразован в Охотское Приморское управление. С упразднением последнего в 1849 г. Охотское побережье оказалось включенным в состав Якутской области в качестве округа. В 1856 г. Охотский округ вновь присоединили к Приморской области¹.

В освоении Охотского побережья, Камчатки, Чукотки, Аляски огромный вклад внесли якуты, обязанные по подводной повинности доставлять казенные и частные грузы, казаков, чиновников различных ведомств, участников научных экспедиций, торговцев, содержать тракты, перевозы и почтовые станции. В итоге только в течение 6 лет (1821–1826 гг.) якутские улусы потеряли 10 тыс. лошадей, причем лишь за 1818 г. – 4 365 лошадей. По мнению С. А. Токарева, подводная повинность стала причиной сокращения численности населения якутских улусов: в Кангаласском улусе численность ясачных якутов сократилась в 1720–1737 гг. с 2 025 до 1 942 человек, а в Ботурусском улусе – с 2 704 до 2 507 человек².

Из Якутской области в Охотск, Аян, Гижигу, Олу, Тауйск, Новое Устье, Улье, Чумикан, Арман поступала ценная пушнина. Охотская зона имела со своим областным центром – Петропавловском-Камчатским связь летом лишь в течение 4 месяцев, тогда как с Якутском – круглогодично. В 1909–1911 гг. была построена радиотелеграфная линия Якутск – Охотск. Все тунгусы, кочующие от Охотского побережья до Нелькана, приписывались к Усть-Майскому улусу Якутской области. Якутские казаки несли в Охотске и Аяне военную службу, выполняли полицейские обязанности, сопровождали почту и т. д.³

Президиум ВЦИК 27 апреля 1922 г. принял постановление о временной передаче управления Охотским уездом Якутской АССР. Однако, когда Охотское побережье находилось в руках «белой дружины» во главе с генерал-лейтенантом А. Н. Пепеляевым, Дальревком 28 февраля 1923 г. телеграфировал во ВЦИК, что в Охотске якобы установлена власть Советов. На этом основании 15 апреля 1923 г. Охотская зона вновь была выведена из состава ЯАССР⁴.

После образования СССР, основанного на национально-территориальном принципе, попытки нового пересмотра административных границ не прекратились. Так, в начале марта 1924 г. состоялся Читинский съезд представителей Сибири, Дальнего Востока, Якутии и Бурятии, где был поднят вопрос о новом национальном районировании мест проживания туземных племен⁵.

В 1924 г. на Охотском побережье вспыхнул тунгусский мятеж, основной причиной которого стала политика террора против аборигенов, проводимая местным партийно-советским руководством, что фактически подтвердил в ходе расследования председатель Особой комиссии ЦК РКП(б) и уполномоченный ВЦИК К. К. Байкалов. В руководстве уезда оказались криминальные и сомнительные лица. Начальник отдела ОГПУ Кунцевич вместе со своими сподвижниками из числа бывших белобандитов Харитоновым и Габышевым систематически грабили аборигенов, взыскивая с них дореволюционные долги. В 1924 г. органы ОГПУ арестовали 64 тунгуса и якутов, в 1925 г. – 250 человек, всего – 314 человек⁶.

Охотские власти творили беззаконие, терроризировали и обирали местное население, в результате жители Охотского побережья нищали. Так, у среднеобеспеченных тунгусов, владевших в дореволюционный период 40–50 оленями, в 1920-е гг. оставалось чуть более 10 голов. У зажиточного эвенка Гилэмдэ из 1 500 оленей сохранилось лишь 70 голов⁷. Представители официальных властей не знали языка, традиций, культуры, обычаев,

быта тунгусов. Отсутствовали национальные школы, не было ни одного аборигена в составе советских учреждений, правоохранительных органов, не хватало даже переводчиков⁸.

Тунгусское повстанческое движение в 1924–1925 гг. охватило Охотское побережье и юго-восточные районы Якутской АССР. В Якутском, Алданском, Верхоянском, Вилюйском, Колымском и Олекминском округах проживало 13 тыс. тунгусов. В вооруженном выступлении участвовало 600 человек, т. е. 4,6 %, из них на Охотском побережье – 200 человек и в северных округах Якутии – 250 человек. Якутов насчитывалось 175 человек, т. е. 30 %; в отряде М. К. Артемьева (старосты, писца, учителя, председателя собрания волостных гласных) – 72 человека, П. В. Карамзина (эвенкийского князца) – 55 человек⁹.

В июне 1924 г. в Нелькане состоялся съезд аяно-нельканских, охотско-аянских и маймаканских тунгусов, где было избрано Временное центральное тунгусское национальное управление. Руководители мятежа требовали национального самоопределения, соблюдения прав личности, прав малочисленных этносов, создания нового национально-территориального образования. Кроме политических, они выдвинули требования экономического характера. Так, предлагалось восстановить старинные тракты: Якутск–Охотск и Нелькан–Аян¹⁰.

Часть этих требований совпадала с позицией партийно-советского руководства Якутии, ратовавшего за образование автономной Тунгусской области и за предоставление права выхода Якутии на внешний рынок (в дореволюционный период существовал беспошлинный ввоз товаров Охотским морем). Председатель ЯЦИК П. А. Ойунский в своем письме в Совет Национальностей ЦИК СССР и Якутское Представительство (Якутпредство) в Москву предлагал присоединить Охотское побережье к Якутии, укомплектовать тамошний ревком эвенками и якутами.

Секретарь обкома РКП(б) Е. Г. Пестун доказывал, что Охотское побережье экономически тесно связано с Якутией. Поэтому прекращение транспортировки грузов по маршруту Якутск–Аян привело к упадку доходности хозяйств нельканских тунгусов. Прибывшие с «материка» в период нэпа представители различных кооперативных и торговых организаций скупали за бесценок ценную пушнину у аборигенов. К примеру, Сибторг ввез товаров на 200 тыс. руб., а вывез – на 1 млн руб.¹¹

Участники движения стремились решить конфликт с помощью мирных переговоров. В частности, К. К. Байкалов отмечал, что пов-

станцы отпустили на свободу всех пленных красноармейцев и сотрудников ОГПУ. Главное тунгусское национальное управление приняло акт о том, чтобы национальное самоопределение эвенков было закреплено решениями, вынесенными ЦИК СССР и ВЦИК. Принятие такого постановления позволило бы прекратить дробление единого тунгусского этноса между различными административными единицами. Свое раздробленное состояние они рассматривали как «продукт монархической политики». Основной целью участников движения являлось объединение эвенков вокруг единого национально-территориального региона, который должен был войти в состав Якутии¹².

Девятого мая 1925 г. в ходе мирных переговоров между командиром повстанческого отряда М. К. Артемьевым и командиром красноармейского отряда И. Я. Стродом было заключено мирное соглашение. М. К. Артемьев убедился в том, что во главе Якутии стоят не левацки настроенные коммунисты; в республике осуществляется национальное возрождение, и вопрос о присоединении Тунгусии к ЯАССР находится на стадии обсуждения. Всего сложили оружие 484 повстанца из отряда М. К. Артемьева и 35 человек – П. В. Карамзина¹³.

М. К. Артемьев 23 июня 1925 г. представил К. К. Байкалову доклад. В нем предлагалось: делегировать на мирные переговоры с повстанцами авторитетных лиц, знающих язык, образ жизни, психологию туземцев; амнистировать всех участников мятежа; снабдить тунгусов продовольственными и промышленными товарами; освободить население Охотского побережья от всех налогов; предоставить аборигенам долгосрочный кредит; закрепить за коренными жителями рыболовные участки. Упомянутые требования повстанцев отправил в Совет Национальностей ЦИК СССР и П. А. Ойунский¹⁴.

На собрании жителей Нелькана 23 августа 1925 г. Главное тунгусское национальное управление сложило свои полномочия и был организован ревком. К. К. Байкалов объявил об амнистии мятежникам, но предупредил, что в будущем все вооруженные выступления против советской власти будут ликвидироваться силовым путем¹⁵.

Между тем на фоне переговорного процесса с мятежниками дальневосточное руководство провело серию организационных мероприятий, направленных на придание легитимности своим планам перекройки территориальных границ между Якутией и ДВК. С 15 по 19 июня 1925 г. в Хабаровске прошел съезд

представителей малых народов Дальнего Востока с участием 90 делегатов от орочей, негидальцев, ульчей, тунгусов, нанайцев, якутов (делегаты Камчатки и Охотского побережья из-за отдаленности и боевых действий вовремя не смогли прибыть на съезд). На нем состоялось решение о выводе из состава Якутской АССР Алдано-Тимптонской золотоносной зоны и создании Алдано-Зейского горного округа в составе Амурской губернии. В виде компенсации предусматривалась передача Якутской АССР выхода к Охотскому морю через п. Аян. Дальревком также намеревался отделить от Якутской АССР Алдано-Майский улус. Но окончательного решения, куда же его ввести – в состав Приморской или Камчатской губерний, – так и не было принято¹⁶.

Конфликт между управленческими структурами восточных регионов усугубился на открывшемся в Охотске 10–16 августа 1925 г. Первом тунгусском съезде Охотского побережья, где присутствовали 56 делегатов, 60 гостей, в том числе представители 21 тунгусского рода и трех якутских районов. Съезд был организован руководителем Охотско-Аянской экспедиции, уполномоченным Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревкома В. А. Абрамовым, считавшим, что большинство повстанцев составляли не тунгусы, а якуты. Идею секретаря Якутского обкома Е. Г. Пестуна о присоединении Охотского побережья к ЯАССР он оценивал как антиленинскую.

Далькрайком ЦК РКП(б), заслушав позднее доклад К. К. Байкалова, расценил его выводы о причинах тунгусского движения как «абсолютно неверные». По мнению дальневосточников, мятеж 1924–1925 гг. явился продолжением повстанчества 1921–1922 гг. и пепеляевщины, был спровоцирован Японией и якутским партийно-советским руководством, стремившимся прибрать к рукам Охотское побережье. Секретарь Якутского обкома С. М. Аржаков жаловался в марте 1926 г. И. В. Сталину, что неправильная и односторонняя информация руководителя Далькрайисполкома Н. А. Кубяка привела к возникновению внутри ЦК ВКП(б) тенденциозной и нездоровой атмосферы вокруг Якутии. Члены Якутской делегации XIV конференции РКП(б) в своей докладной записке на имя И. В. Сталина причинами тунгусского выступления назвали неумелый подход охотских властей и крайне тяжелое экономическое положение аборигенов¹⁷.

Тунгусский мятеж катализировал процесс пересмотра прежних административных границ и попытки создания новых регионов. В 1927 г. Далькрайисполком по докладу упол-

номоченного Главнауки при Наркомате просвещения РСФСР на Дальнем Востоке К. Я. Лукса принял постановление «Об основных задачах туземной политики ДВК». В нем говорилось: «Признать одной из важнейших мер в хозяйственном и культурном возрождении туземных народов – объединение их в отдельные национальные тузрайоны и добиваться объединения туземных племен». Под предлогом защиты «доверчивых эвенских бедняков» от якутских торговцев Далькрайком и Далькрайисполком организовали специальную комиссию по изучению вопроса о границах. При этом К. Я. Лукс считал границу между Дальним Востоком и Якутией, созданную ВЦИК в ходе образования Якутской АССР, «бестолковой» и «разрывающей» на части туземные племена¹⁸.

С малочисленными народностями спорной территории была проведена «разъяснительная» работа. В результате собрание аянских эвенков 25 июля 1927 г. вынесло постановление, где говорилось, что завоз товаров из Якутска привел к повышению розничных цен на муку, чай, табак, крупу от 100 до 250 %. В 1928 г. заместитель председателя Охотского райисполкома аркинский эвенк Громов и член РИКа аянский эвенк Калашников жаловались К. Я. Луксу, который побывал на Охотском побережье, что административная граница с Якутией препятствует кочевникам. Зимой эвенки откочевывали на богатые охотничьи угодья за Джугджуром, а весной с добычей возвращались на рыбные промыслы к Охотскому морю. При этом якутские власти запрещали вывозить ценную пушнину за пределы республики. К. Я. Лукс предложил П. Г. Смидовичу создать из охотских туземных районов единый национальный округ с центром в Нагаево¹⁹.

В дискуссии с представителями Дальнего Востока интересы Якутии представляли партийно-советские руководители и якутская интеллигенция: И. Н. Барахов, М. К. Аммосов, Х. П. Шараборин, Н. С. Емельянов и др. Правительство Якутии в 1930 г. согласилось на передачу Сеймчана, Нелькана, Тунгино-Чумикана, части Оймякона и Май в состав Охотско-Эвенкийского округа Дальневосточного края. Однако Барахов, председатель ЯЦИК Н. С. Емельянов и председатель Комитета Севера при ЯЦИК Х. П. Шараборин предлагали не включать в состав Аяно-Майского района Усть-Майский район, оставив его в составе Якутской АССР²⁰.

Н. С. Емельянов и Х. П. Шараборин возражали против присоединения к Сеймчанскому району бассейна р. Коркодон, входящего в

Колымский район и недоступного для управления из Охотска. Юагиры и ламуты, проживающие в этом районе, не имели никаких связей с Охотским побережьем. Район имел тесные территориально-экономические связи с Якутией и нуждался в таком рынке сбыта, как золотой Алдан. Снабжение товаропродуктами осуществлялось по Лене и Алдану, а не через Аян. Основным средством общения большинства жителей района являлся якутский язык. Усть-Майский район имел огромное значение для Якутии как территория с обширным земельным фондом, необходимым для переселенцев; здесь планировалось строительство животноводческих и зерновых совхозов²¹.

Территориальные претензии якутского руководства на Охотское побережье основывались, в частности, на том, что отдаленность Охотской зоны от своего нового административного центра привела к серьезным затруднениям в управлении регионом. Пребывание в составе Якутии могло влить новую струю в экономику и культуру Охотского побережья. В 1923 г. из 5 154 жителей Охотского уезда Камчатской губернии 3 432 (67 %) ежегодно перекочевывали в пределы Якутии, а летом вновь спускались к морю для рыбной ловли. Население Аяна и близлежащей территории состояло из тунгусов (64 %), якутов (18,9 %), русских (13,2 %) и корейцев (3,1 %) ²².

В начале 1928 г. К. Я. Лукс подготовил для президиума Далькрайисполкома доклад «О проведении районирования туземного населения местности, тяготеющей к Охотскому морю». В нем подчеркивалась произвольность старой границы между Якутией и Дальневосточной зоной по хребту Джугджур, искусственно разделявшей аборигенов-эвенков²³.

В свою очередь, представитель ЯАССР при ВЦИК А. И. Новгородов, заручившись поддержкой секретаря Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе, 28 октября 1930 г. обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу по поводу отторжения от Якутии Аяно-Майского, Сеймчанского, Оймяконского, Гижигинского и других районов. Ошибочность данного решения он обосновывал игнорированием экономического единства отторгаемых от Якутии земель; невозможностью дальневосточников обеспечить эффективное руководство указанными районами ввиду отдаленности их от административных центров и отсутствия кадров, знакомых с языком, бытом и традициями этих народностей²⁴.

Диспут вокруг административных границ завершился тем, что Охотское побережье так и не было включено в состав Якутской АССР. От Якутии отошли Нельканский, Сеймчан-

ский, часть Усть-Майского и Оймяконского районов. Национальная политика Компартии, тунгусский мятеж 1924–1925 гг., активные дебаты между региональными лидерами Якутии и ДВК в итоге послужили факторами, ускорившими принятие срочных мер по экономическому, социальному и культурному возрождению аборигенов Охотского побережья. Их снабжение стало осуществляться регулярными пароходными рейсами Дальневосточного отделения Госторга РСФСР из Владивостока в Охотск, Аян, Тауйск, Чумикан, Иню, Олу, Ямск, Тохтоямск, Туманы. Дальохотсоюз завез в навигацию 1926/1927 г. в Охотский район грузов на 144 тыс. руб., в 1927 г. – на 210 тыс. руб.²⁵ ВЦИК 10 декабря 1930 г. принял постановление об образовании Чукотского, Корякского, Охотско-Эвенского национальных округов и районов.

Туземцев освободили от всех налогов и старых долгов, выдали бедняцким хозяйствам эвенков-оленоводо-кредит на сумму в 25 тыс. руб. для приобретения оленей. В 1926/1927 г. беднякам вновь предоставили кредит на 40 тыс. руб. В 1926 г. амбулатория Охотской больницы зарегистрировала 1 531 посещение, стационаром было обслужено 34 больных. В Аяне и Чумикане в 1925 г. открылись фельдшерские пункты²⁶.

В 1926–1927 гг. в Охотском районе насчитывалось 7 школ, где учились 225 учеников. К концу 1932 г. в Охотском, Аяно-Майском и Тунгиро-Чумиканском районах научились читать и писать 286 кочевников. В Охотско-Эвенском округе работала 31 школа, где учились 1 144 ребенка, причем 180 из них находились на полном государственном обеспечении. В 1932–1933 гг. в округе обучались уже 1 625 детей. К концу 1934 г. научились читать и писать 1 000 эвенков и эвенов, т. е. 40 % населения округа²⁷.

Заготовительная цена на пушнину в Якутии (1 руб. 35 коп. за белку) оказалась ниже, чем в Аяне (1 руб. 80 коп.). Поставки товаров морским путем из Владивостока в Аян обходились дешевле, нежели сухопутным путем из Якутска в Аян. Розничная цена масла в Якутии (76 руб. за пуд) оказалась выше, чем в Аяне (48 руб.). Охотникам запрещался отпуск спирта в Нелькане, тогда как в Аяне «Охотсоюз» выдавал каждому из них по бутылке спирта. Якутские власти ввели дополнительное обложение налогом эвенков для содержания Нельканской охраны и передвижного отряда ОГПУ Д. М. Нутчина. В 1929 г. Нельканская избирательная комиссия лишила прав представителей социальной элиты из числа князцов П. В. Карамзина и П. М. Дьячковско-

го. Однако аянские партийно-советские работники тут же назначили П. В. Карамзина председателем Аянского райисполкома, а П. М. Дьячковского – уполномоченным по Верхне-Майскому роду для агитации среди населения об отделении Нелькана от Якутской АССР.

Эти меры вынудили аборигенов говорить о выборе жесткого курса к ним якутских властей и сохранении гуманной линии со стороны руководства Аяна. В декабре 1930 г. в местности Учрук председатель Аянского туземного РИКа П. В. Карамзин созвал собрание жителей Тоттинского рода. Они вынесли постановление об образовании Тунгусской автономной республики, выходе из состава Якутской АССР и вхождении в состав ДВК. Председатель Нельканского РИКа А. В. Федоров обратился в ЯЦИК и Комитет содействия народам Севера с просьбой присоединить Нелькан к Аяну или Аян к Нелькану ввиду невозможности существования двух административных образований²⁸.

Возникновение в конце 1922 г. союзного государства, основанного на национально-территориальном принципе, стимулировало дальнейшие попытки создания новых национальных регионов теперь уже для малочисленных этносов численностью от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Однако практическая реализация принципа самоопределения народов, как свидетельствуют многочисленные факты, обострила старые дореволюционные и породила новые национальные противоречия в полиэтничной среде. Безболезненно разрешить этот клубок проблем в 1920-е гг. не удалось. В ходе территориальных дискуссий лидеры аборигенных народов стремились разрешать в первую очередь социально-экономические проблемы, облакаемые в чисто национальные лозунги, используя при этом по возможности противоречия и разногласия региональных политических элит, в частности ДВК и Якутии. Между тем после выхода в свет постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 г. «О положении в Якутской организации» стало невозможным даже упоминать о каком-либо территориальном выходе Якутии к Охотскому морю. Малейшие попытки поднять данную проблему расценивались Центром, как «буржуазно-националистические» поползновения.

Материал поступил в редколлегию 27.01.2006

¹ Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. С. 61, 64, 65.

² Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. Якутск, 1940. С. 126; Сафронов Ф. Г. Указ. соч. С. 98–99, 165; ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 326. Л. 14.

³ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 326. Л. 151; Д. 32. Л. 58; НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 7. Д. 10. Л. 83–84; Д. 5. Л. 70.

⁴ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 32. Л. 55; Д. 326. Л. 211.

⁵ Фетисов А. П. Карл Янович Лукс: Биограф. очерк. Хабаровск, 1966. С. 52.

⁶ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 32. Л. 114, 140, 149–150, 169–170.

⁷ Там же. Л. 165–166; НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 7. Д. 6. Л. 77, 110; Д. 10. Л. 105–106.

⁸ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 326. Л. 86; Антонов Е. П. Тунгусское восстание: ошибок можно было избежать... // Илин. 1995. С. 94.

⁹ Гоголев З. В. Разгром антисоветских восстаний в 1924–1925 и 1927–1928 гг. // Научные сообщения. Якутск, 1961. Вып. 6. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 25; Антонов Е. П. Указ. соч. С. 94–95.

¹¹ НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 7. Д. 6. Л. 10, 28, 57.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 142. Л. 7.

¹³ Антонов Е. П. Указ. соч. С. 94; Башарин Г. П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. Якутск, 1996. С. 268.

¹⁴ НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 45. Д. 5. Л. 30–31; Оп. 7. Д. 6. Л. 57.

¹⁵ Там же. Оп. 7. Д. 10. Л. 15–16.

¹⁶ Фетисов А. П. Карл Янович Лукс... С. 52, 54; НА РС (Я). Ф. 181. Оп. 2. Д. 1. Л. 53.

¹⁷ ФНА РС (Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 32. Л. 34; Ф. 181. Оп. 2. Д. 41. Л. 1; НА РС (Я). Ф. 605. Оп. 4. Д. 4. Л. 53.

¹⁸ Фетисов А. П. Карл Янович Лукс... С. 58, 72.

¹⁹ Он же. Начальник «Большого Комитета». Магадан, 1973. С. 31, 37.

²⁰ НА РС (Я). Ф. 605. Оп. 1. Д. 222. Л. 14, 17.

²¹ Фетисов А. П. Карл Янович Лукс... С. 15.

²² ФНА РС (Я). Ф. 181. Оп. 2. Д. 1. Л. 58–59; НА РС (Я). Ф. 68. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

²³ Сергеев М. А. Малые народы Советского Севера. Магадан, 1957. С. 155.

²⁴ НА РС (Я). Ф. 68. Оп. 1. Д. 3214. Л. 11; Ф. 605. Оп. 4. Д. 4. Л. 5.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 19. Л. 29, 30.

²⁶ Фетисов А. П. Карл Янович Лукс... С. 86, 100, 140–142.

²⁷ Там же. С. 147, 148, 151.

²⁸ НА РС (Я). Ф. 605. Оп. 4. Д. 26. Л. 134.